

Удивительная и трагическая жизнь Ольги Белоглавек.

Глава 1. Детство и юность. 1892–1917

Биография этой замечательной женщины может послужить великолепной иллюстрацией к полной потрясений, взлётов и трагедий истории самой России первой половины XX века. Героиня нашего рассказа Ольга Белоглавек родилась в Тифлисе в 1892 году, в семье мелкого торговца, перебравшегося в Россию из Чехии в начале 80-х годов XIX века. В те годы Тифлис был быстро растущим многонациональным городом, центром развивавшейся системы **железных** и шоссейных дорог, постепенно связавшей весь Кавказ.

Отец Ольги, Алоиз Иосиф (Осипович) Белоглавек, не смог добиться особенного успеха в торговле и вынужден был работать продавцом в других местных лавках и торговых конторах. Он, однако, понимал необходимость дать детям хорошее образование, что было совсем не так уж и легко для семьи, не имевшей хорошего постоянного заработка. В дополнение к финансовым проблемам, в 1899 году умерла его жена Анна,¹ оставив Алоиза вдовцом с тремя детьми (Ольга, её старшая сестра Мария, примерно 1888 года рождения, и младший брат).

После смерти жены отец, понимая, что не может заботиться о трёх малолетних детях, отправил восьмилетнюю Ольгу к родственникам в Чехию, где она провела следующие пять лет. Вернувшись домой в 1905 году, она поступила в ту же самую **2-ю Тифлисскую женскую гимназию**, которую только что с серебряной медалью закончила её старшая сестра. Через пять лет в 1910 году она закончила гимназию с золотой медалью — это высокое отличие получали тогда лишь одна-две девушки из всего городского выпуска.²

Совершенно ясно, что обе сестры получили самое лучшее школьное образование, которое только было доступно в то время в Тифлисе. При этом они общались с другими такими же образованными молодыми людьми, в том числе из семей сравнительно недавних иммигрантов — за предыдущие сорок лет из Европы в Грузию переехало немало инженеров, геологов, архитекторов, строителей и коммерсантов, привлечённых царским правительством к строительству дорог и фабрик на Кавказе.

Одним из них был итальянский инженер-железнодорожник **Джузеппе (Иосиф) Марсони** родом из городка Спилемберго (провинция Фриули), переехавший в Тифлис в 1886 году. У него было четверо детей, которые все родились в Грузии — примерно того же возраста, что и сёстры Белоглавек. Не вызывает сомнения, что семьи дружили между собой — в интернете можно отыскать **открытку**, которую старший сын Джузеппе, двадцатилетний студент столичного университета Лоренцо Марсони, послал Марии Белоглавек из Санкт-Петербурга весной 1909 года.

«...29 апреля я наконец получил боевое крещение в Петерб. университете, сдал химию. Числа 20-го буду сдавать всю высшую математику, а потом “извозчик, на Николаевский вокзал!”

...

¹ Газета *Тифлисский листок*, 1900 год.

² Данные взяты из подшивок газеты *Тифлисский листок* за 1905 и 1910 годы.

Сейчас получил письмо от Эмилии, почерк её последнее время значительно изменился к лучшему, не правда ли?

...

Адрес: г-же Марии Алоизовне Белоглавек, Елизаветинская, 84, Тифлис. »

письмо Л. Марсони к М. Белоглавек

Упомянутая в открытке Эмилия — это младшая сестра Лоренцо, которая была на год старше Ольги Белоглавек.³

Надо напомнить читателям, что получение высшего образования женщинами было в те годы чрезвычайно затруднено. В дополнение к этому в Закавказье не было ни одного университета⁴.

Поэтому для молодых женщин, мечтавших о получении высшего образования, выбор был очевиден — их путь лежал в Санкт-Петербург или в Москву, на **Высшие женские курсы**.

Однако для этого, помимо способностей и усидчивости, нужны были деньги. Поэтому Ольга Белоглавек не могла просто сесть на поезд и уехать в столицу. Около двух лет она подрабатывала уроками — по завершении гимназии она получила официальную лицензию на работу учительницей (включая и преподавание на дому). В то же время нужно было готовиться к сдаче вступительных экзаменов. Наконец, в 1913 году Ольга становится слушательницей Высших женских (Бестужевских) курсов в Санкт-Петербурге.

Как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Её планы на будущую научную или преподавательскую карьеру терпят крах — в 1917 году, когда Ольга заканчивала последний год физико-математического отделения Бестужевских курсов, произошла Октябрьская революция, и всё покатилося кувырком.

Глава 2. Неожиданная карьера. 1917–1930

Совершенно случайно, в хаосе революции, гражданской войны и голода, в почти незнакомом ей городе Ольга Белоглавек нашла работу в Продуправе Выборгского района. Эта организация занималась продовольственным снабжением голодного, замерзающего Петрограда. Это было, прямо скажем, чистое везение — постоянная работа, которая при этом давала надёжный паёк, что в 1917–1919 годах более или менее гарантировало выживание. Сначала Ольга работала счетоводом, потом бухгалтером. Продуправа превратилась

³ Братья Марсони — Лоренцо, Виктор (Витторио) и Валентин — после 1917 года вернулись на историческую родину и впоследствии занимали ответственные посты в Министерстве иностранных дел Италии. Так, Витторио был вице-консулом Италии в Тифлисе, потом консулом в Одессе; Лоренцо служил секретарём посольства Италии в Москве. Их сестра Эмилия в 1912 году вышла замуж за офицера царской армии **Виктора Пиленко** и осталась в России. В 1938 году была арестована и репрессирована за переписку с братьями и со своим вторым мужем, эмигрировавшим в Польшу.

⁴ В Российской империи действовало негласное, но хорошо всем известное правило, не допускавшее открытия университетов в национальных провинциях. Все, кто желал получить высшее образование, обязаны были поступать в русские университеты. Это делалось для того, чтобы каждый член любой будущей местной (национальной) элиты был воспитан именно в метрополии, с соответствующими “прививками” русской культуры и имперской идеологии. Исключения делались исключительно для университетов, уже функционировавших к моменту присоединения той или иной провинции или княжества — Тарту, Вильнюс, Варшава, Або (Хельсинки).

в Компродсев, далее — в ПЕПО и ЛСПО⁵. В 1920 году Ольга Белоглазек вступила в РКП(б) (партибилет № 148934), активно участвовала в общественной работе, была председателем общества “Долой Неграмотность” Центрального района Ленинграда, через несколько лет стала заместителем директора отдела заготовок. С 1927 по 1931 год она являлась депутатом Ленсовета. Её педагогические и математические устремления, казалось бы, канули в небытие.⁶

453	П Е П О.	454
Статистический отдел.		
Завед. — Менагаршвили, В. А., д. 10, 4-й эт., комн. 113, комн. 146, Замест. завед. — Черкасов, Н. А., д. 10, 4-й эт., комн. 113, комн. 146.		
Подотделы:		
Учета снабжения: завед. — Морозов, д. 10, 4-й эт., комн. 114, комн. 147.		
Учета производств: завед. — Орлова,		
Подотдел учета товаров. Заведывающий Эртнер, комн. 40, комму- татор 102.		
Подотдел статистики. Заведыв. Тяпкина, комн. 42.		
Отдел агентуры. Заведывающий Меньшиков, комн. 280. Заместитель Заведыв. — Белоглазек, комн. 279.		
Отдел производственный. Заведывающий Полканов, комната 298, комн. 124.		

Страница из справочника “Весь Петроград. 1922”

179

Кооперативные организации.

комм. 46 — инстр.-консулт. Росспинский Д. Е., библиотека — д. 4, 2-й эт., зав. Разумный А. А.

Фин.-сч. отд. — чл. пр-ния Епих Н. П., 2-й этаж, комн. 4, комн. 4, секр. Птахов Г. В., комн. 17, комн. 49, финотд. — зав. Шарышкин К. Д., комн. 23, т. 178-94, комн. 23, пом. Каль Г. А., комн. 23, центр. касса — зав. Бычков М. П., комн. 19, комн. 19, налогово-страх. п/о. — зав. Шарапов-Паской А. Д., комн. 17, комн. 17, пом. Лакматкиш Ф. А., гл. бухг. — гл. бухг. Михельсон Ф. Ф., 1-й этаж, комн. 16/17, комн. 16.

Торгово-заготов. отд. — чл. пр-ния: Зайцев Н. Л., 2-й этаж, комн. 6, т. 169-06, комн. 6 — зав. Мазанов В. С., комн. 7, комн. 159, секр. Белоглазек О. А., комн. 7, комн. 7, сч. п/о. — зав. Янин В. П., комн. 12, комн. 12, товарн. п/о. — зав. Эрнстер Ф. Г., комн. 5, комн. 3, п/о. кооперативной продажи — комн. 5, зав. Гусаров.

комм. 33, т. 529-74, секр. Окулова М. П., комн. 32, комн. 31 и 32, упр-ние аренд. предпр. — зав. Седунов Н. В., комн. 35, комн. 35, т. 179-26, упр-ние пивзаводами — зав. Полканов В. А., комн. 34, комн. 33, зам. Фокин В. А., комн. 34, комн. 33, торгово-эксплоатац. п/о. — зав. Ильин М. П., комн. 34, комн. 34, т. 584-47, отд. иногородн. торг. — зав. Кутсар Г. М., комн. 38, комн. 38, т. 187-58, сельско-хоз. отд. — зав. Грошиков П. М., комн. 34, комн. 95, упр-ние хлебозаводами — зав. Кремнев Г. М., комн. 37, комн. 37, т. 137-58, зав. снабж. Израйлович Д. С., комн. 37, комн. 37, т. 590-38, лесопр. п/о. — зав. Юнович С. М., 1-й этаж, комн. 27, т. 578-48, сч. п/о. — зав. Зелкин Г. Г., комн. 40, комн. 75, т. 141-42.

Предприятия производствен. отд.
Заводы: механическ. колб.-копильн. — ул. Мопсеенко (б. Болотн.), 24, т. 614-11, зав. Горячев, технохимич. — Обводн. к., 92, т. 531-21 — зав. Зелглович, А. П.,

п/о. — зав. Тихомиров М. В., комн. 53, комн. 70.

Предприятия Отдела Общественного Питания: Центр. р-на: столовая № 16 — пр. 25 Октября (б. Невский), 106, т. 153-49 — зав. Романов, маг. «Универсаль» — пр. 25 Октября, 106, т. 153-49 — зав. Флеров, столовая № 2 — пр. 25 Октября 45/2, т. 540-08 — зав. Табаков, столовая № 4 — уг. пр. Майорова (б. Вознесенский) и 3 Июля (б. Садовая), 59, т. 541-48 — зав. Смирнов, столовая № 9 — Красная (б. Галерная), 26, т. 558-96 — зав. Кадалов, столовая № 10 — Усачев пер., 1, т. 558-92 — зав. Пудов, столовая № 11 — пр. Майорова (б. Вознесенский), 53, т. 558-95 — зав. Лазарев, булочная и пекарня № 2 — Троицкая, 2, т. 141-50 — зав. Исаев, булочная и пекарня № 4 — уг. пр. Майорова (б. Вознесенский) и ул. 3 Июля (б. Садовая), 59, т. 541-48 — зав. Смирнов, оранжевая — пр. 25 Октября (б. Невский), 92 — зав.

Страница из справочника “Весь Ленинград. 1925”

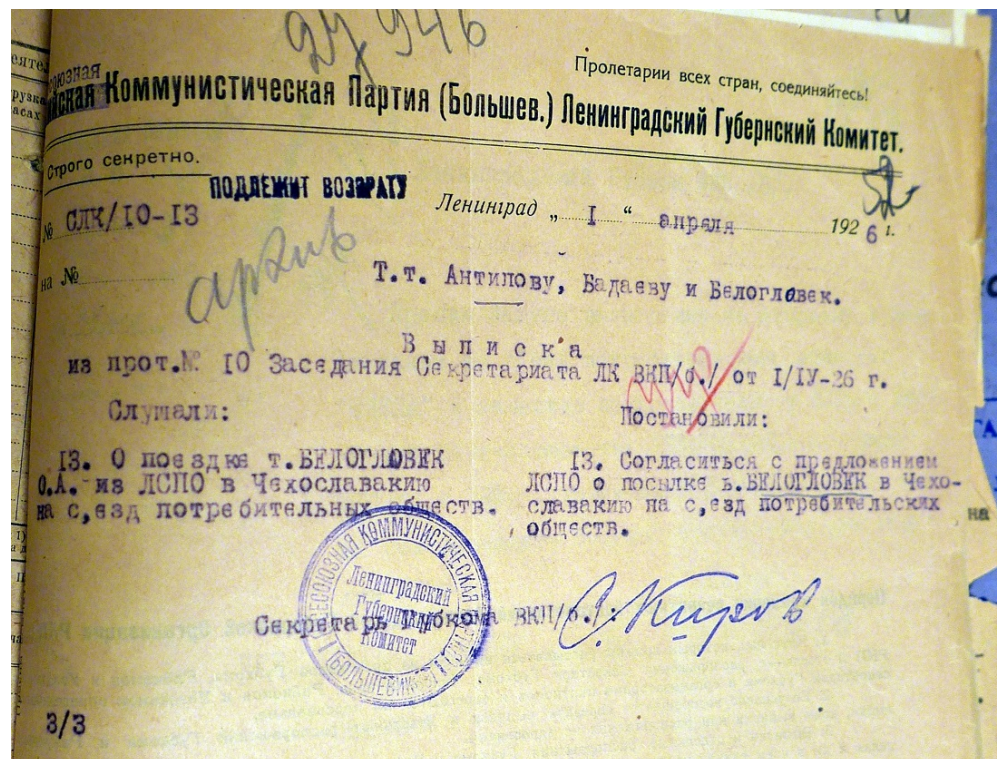
Её престарелый отец переехал к ней в Ленинград, но вскоре умер. Какова была судьба её старшей сестры и младшего брата, нам неизвестно — в своих многочисленных анкетах и документах, которые оказались в её личном деле ЦГА ИПД⁷ она упоминает об их существовании, но и не более того.

⁵ Ленинградский союз потребительских обществ, который до 1935 года управлял всей продоволь- ственной кооперацией Ленинградской области, а потом и Северо-Запада России.

⁶ Данные взяты из телефонных справочников “Весь Петроград” и “Весь Ленинград” 1920–1930 годов.

⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.

В качестве любопытного документа её биографии тех лет приведём здесь выписку из заседания горкома ВКП(б), подписанную **С.М. Кировым**, по вопросу о поездке О.А. Белоглазек на конференцию европейских потребительских обществ в Чехословакию (видимо, тут сыграло роль то, что она свободно владела чешским).

Выписка из протокола секретариата Ленгубкома с подписью С.М. Кирова, апрель 1926 г.

Но вскоре в её жизнь вмешалась суровая коммунистическая действительность. В 1929 году начались чистки всех государственных учреждений. Искали тех, кто скрыл своё буржуазное или “паразитическое” происхождение, кто по-прежнему коварно вынашивал лево-уклонистские или право-оппортунистические, троцкистские или эсеровские взгляды — короче, всех, кого не “добили” во время Гражданской войны или во время предыдущих многочисленных фракционных разборок 1920-х (а их было, мягко говоря, немало).

К самой Ольге Алоизиевне претензий по идеологической линии вроде бы не было, она также пользовалась большим уважением коллег. А вот её непосредственный начальник, заведующий торгово-заготовительным отделом Борис Степанович Мазанов оказался (чего он, впрочем, никогда и не скрывал) бывшим буржуем и миллионером — до революции он владел собственным имением и торговой компанией с оборотом в сотни тысяч рублей (гигантские деньги для того времени, рубль 1913 года эквивалентен примерно 20 долларам 2022 года). У него тут же отыскивали ошибки в отчётности, обвинили в приписках и саботаже, и уж конечно припомнили ему его нехорошее классовое происхождение — чего ещё ждать от такого матёрого хищника-капиталиста! Целых двенадцать лет работал на Советскую власть, прикидываясь ценным специалистом, но, очевидно, выжидая всё это

время удачный момент для террористического акта или саботажа. К тому же при обыске у него якобы нашли дома некоторое количество золота⁸. Рабоче-крестьянское правосудие сработало быстро и неотвратно — Мазанов был осужден и расстрелян.

Торг. запот. отд. — чл. пр-ния Фокин В. А., комн. 17, т. 228-43 и комн. 24, зав. Мазанов Б. С., комн. 15, т. 169-06 и комн. 8, зам-ли: Белоглазев О. А., комм. 40, и Пугачев П. А., комн. 15, т. 46-29 и комн. 9, пом. Еремеев М. А., комм. 13, секр. Ткачевский О. С., комм. 7, товарно-хлебн. п/о — зав. Эртнер Ф. Г., комн. 25, т. 221-78 и комн. 113, пом-ки: Подражанский В. М., по хлебн.	новский Н. Г., комн. 107, т. 451-79, комм. 95, бухг. Крылов А. В., комн. 105, т. 451-74 и комн. 26. Фин.-счети. п/о — зав. Зеликин Г. Г., комм. 85, т. 51-74 и комн. 76, опер. фин. п/о — зав. Гурович А. Р., комн. 85, т. 51-74, комн. 76. Тарифно-норм. бюро — зав. Грипов М. Л., пом. Лакоткин Н. И., комн. 104, т. 65-46, комн. 33.	Фролов Г. Ф., т. 200-83, расч. п/о — зав. Владимиров И. В. Завком — предс. Алексеев Ф., колл-в — организ. Вавер А., секр. Солдатенков В. Т., агитпроп — организ. Москалева А. А. 7) 1-й Хлебозавод. им. Юргенсона. Международный (б. Забалканский) пр., л. 73-б. т.т. 602-36. 542-76 и 611-47.
--	--	--

Страница из справочника “Весь Ленинград. 1927”

Так как враг трудился прямо в самом сердце ЛСПО, возглавляя важный отдел, то обязательно надо было найти виновных. Одной из них стала Ольга Белоглазев. Сам Мазанов, конечно, не был членом партии, но она-то была и писала на него вполне хвалебные характеристики (как впрочем и местные партийные начальники, но не себя же они будут обвинять, правда?). Её даже обвинили в том, что у неё, мол, с Мазановым был роман — как же иначе объяснить, почему она не увидела врага в своём непосредственном начальнике?

Попытки взывать к логике, указывать на то, что отдел отлично работал, на то, что факт хищений так и не был реально доказан, оказались тщетны. Ей припомнили и то, что она — дочка мелкого торговца, которого в материалах разбирательства называли “купцом”, а также обвинили в том, что она “училась за границей”. Кончилось всё это тем, что в январе 1930 года Ольгу Белоглазев исключили из партии. При этом во время голосования как на заседании партячейки ЛСПО, так и в комиссии партийного контроля голоса поделились в точности поровну. Оба раза роковое для неё решение было принято одним и тем же человеком — секретарём партячейки Мединниковым, отношения с которым у Ольги Алоизиевны, как у человека прямого и искреннего, были не самые лучшие.

Белоглазев немедленно подала апелляцию, и весной того же года в партии её восстановили, ограничившись строгим выговором и запретом работать в государственной организации такой первостепенной важности как ЛСПО.

“Вы кто по основной специальности?” — спросили у неё в райкоме ВКП(б). — “Ах, математик! Ну вот и займитесь своей математикой. Укрепим вами университетскую партячейку, а то там одна сплошная гнилая интеллигенция, чёрт знает чему они там учат студентов”.

Глава 3. Университет. 1930–1937

Вот так в середине жизни (а было О.А. Белоглазев к тому моменту уже 38 лет) она опять оказалась там, куда стремилась ещё молоденькой девушкой. Партия сказала “надо”, и Ольга Алоизиевна стала аспиранткой физико-математического факультета ЛГУ со специализацией “математический анализ”.⁹ И так уж получилось, что её научным руководите-

⁸ В то время советские граждане не имели право на хранение золота, серебра или валюты.

⁹ Пока суд да дело, а с января 1930 года, когда её уволили из ЛСПО, до поступления в аспирантуру в сентябре надо было на что-то жить. Судя по её трудовой книжке, эти несколько месяцев Ольга Белоглазев работала вычислителем в Гидрологическом институте.

лем по специализации “теория функций” оказался не кто иной, как известный педагог и математик **Григорий Михайлович Фихтенгольц**.

Надо сказать, что Ольга Белоглавец с увлечением погрузилась в учёбу, в преподавательскую и в общественную работу. Она вела семинарские занятия со студентами, участвовала в работе разнообразных партийных органов и кружков по самообразованию. Благодаря её зрелому возрасту, партийному опыту и спокойному характеру, её уважали как студенты, так и преподаватели с обеих сторон политического спектра.

Начало 1930-х годов было временем, когда Ленинградский университет (как и многие другие советские вузы) находился в состоянии непрерывной реорганизации. Буквально каждый год Советская власть меняла своё отношение к тому, какие именно специалисты ей были наиболее важны. Должны ли это быть узко-специализированные инженерные кадры или более широко образованные учёные, способные при необходимости переходить с одной научно-технической работы на другую? Сколько их надо, какие к ним надо предъявлять профессиональные требования? Насколько жёстко должны быть закручены политические “гайки”, и что делать со старыми профессорами и с их “старорежимными” привычками?

В результате в 1929 году физмат университета стал распадаться на части. Сначала из него выделились биологический и химический факультет. Затем отпал геологический факультет. Последним откололся физический факультет, и к 1931 году от когда-то огромного по городским меркам учреждения остался только математико-механический факультет. Менялись и названия — то это был факультет, то отделение, а в конце 1931 года, когда было практически закончено формирование отдельных подразделений и мат-мех впервые возник в том виде, в котором он нам ныне знаком, его переименовали в сектор математики и механики.

Новому образованию нужен был новый руководитель. Надо сказать, что и название руководящего поста менялось за эти годы как минимум трижды. Сначала, до всех пертурбаций, физматом руководил *декан*. Затем — *директор*, а к 1931 году — *заведующий*.

Но этим, конечно, смелые революционные эксперименты не ограничились. В том же 1931 году было принято решение впервые провести выборы заведующего новым сектором не как обычно, голосованием Учёного Совета, а общим голосованием всего преподавательского, учебного и рабочего состава. То есть, в голосовании приняли участие преподаватели, студенты и аспиранты, техники, рабочие и вахтёры. Не мудрено, что результат был неожиданным — первым руководителем мат-меха ЛГУ стала аспирант Ольга Белоглавец.¹⁰

Выписка из документов архива ЛГУ. Приказ № 83, 28/V—31.

« Назначены:

Зав. сектором мат.(ематики) и мех.(аники) — О. А. Белоглавец.

Зав. спец.(иальностями): Мат.(ематики) — В. А. Тартаковский.

Мех.(аники) — К. В. Панкратов.

Астр.(ономии) — М. Ф. Субботин.

Геод.(езии) — С. Г. Натансон. »

Из архива С. Г. Михлина

¹⁰ К сожалению, её имени нет в списке деканов мат-меха, опубликованном на **странице**, посвящённой истории факультета. Формально говоря, она не была деканом, поскольку её официальный пост имел другое название, но следование такой логике было бы надуманной казуистикой.

Не надо думать, что при этом она ушла из аспирантуры. Не тут-то было, ей пришлось совмещать своё образование с исполнением высокой руководящей должности. Вместе с будущим Нобелевским лауреатом **Л.В.Канторовичем** она по-прежнему была аспиранткой Г.М. Фихтенгольца.

Выписка из документов архива ЛГУ. Приказ № 114, 19/VIII—31.
«Руководство аспирантурой передано соотв.(етствующему) НИИ. В НИИММ¹¹
переданы аспиранты:

1. Андронов П. П.
2. Белоглазев О. А.
3. Вержбицкий Б. Д.
4. Волков Д. М.
5. Галич В. Н.
6. Голузин Г. М.
7. Калишук А. К.
8. Канторович Л. В.
9. Корзилов А. С.
10. Крылов В. И.
11. Лабутин Д. Н.
12. Лебедев И. Н.
13. Ледницкий С. Г.
14. Лохин И. Ф.
15. Марковец Н. Н.
16. Милинский В. И.
17. Чуфистова А. М.
18. Шаповалов В. Н.

В ведении ЛГУ — Кноль Д. К.

Бюл.(летень) ЛГУ, прик.(аз) № 15, 16/I—32.

Прикрепление аспирантов.

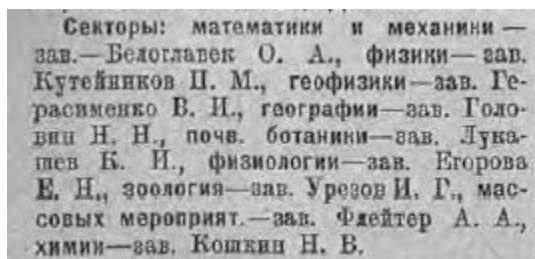
Спец. астр.(ономия) — Поляков к доц. М. Ф. Субботину,
Спец. геод.(езия) — Даниленко к доц. С. Г. Натансону,
Старцев, Бисярин — к проф. Горшкову,
Спец. механика — Назаров к проф. Колосову и Смирнову,
Ковалев, Сатов — к проф. Николаи,
Столяров, Щегольков — к проф. Саткевичу и Вознесенскому,
Калишук, Ледницкий, Волков — к проф. Николаи,
Кноль — к проф. Николаи и доц. Михайловской,
Лебедев — к доц. Михайловской,
Спец. матем.(атика) — Галич, Лабутин к доц. Журавскому,
Иванов, Вержбицкий, Муратов, Цветков, Стенин, Иванов, Ивановский, Милинский — проф. Мюнтц,
Шаповалов — к проф. Кошлякову,
Волков, Голузин, Крылов, Марковец — к проф. Смирнову,
Белоглазев, Канторович, Василенко — к проф. Фихтенгольцу,
Андронов, Корнилов — проф. Мюнтц. »

Из архива С.Г. Михлина

¹¹ Научно-исследовательский институт математики и механики ЛГУ.

Руководителем мат-меха Ольга Алоизиевна оставалась почти полтора года, вплоть до сентября 1932 года, когда очередная реорганизация университета создала вместо секторов 12 отделений, среди них математико-механическое (заведующий — ассистент **А.Г. Колпаков**¹²) и астрономо-геодезическое (заведующий — ассистент **А.М. Гижицкий**). Кстати, судя по невысоким званиям заведующих, они вновь были выбраны общим голосованием.

Из справочника "Весь Ленинград. 1932"

В 1933 году, когда возникла "Научная станция для одарённых школьников", первый в стране городской центр математических кружков, занятия в которых вели профессиональные математики, Григорий Михайлович Фихтенгольц привлёк к этому делу именно Ольгу Алоизиевну — ведь она была не только профессиональным педагогом, но и опытным администратором. И она с интересом взялась за это совершенно новое дело и, став директором Научной станции, вела первые общегородские математические кружки для школьников. Она также участвовала в организации и проведении первых четырёх Ленинградских математических олимпиад, о чём упоминает в своей анкете (см. [1]).

К сожалению, практически ничего не известно о её научной деятельности и о том, удалось ли ей написать и защитить диссертацию. По некоторым косвенным свидетельствам, она этого сделать не успела (см. ниже, стр. 13). В её личном деле в архиве ЛГУ об этом ничего не говорится.

После убийства Кирова в декабре 1934 года на Ленинград обрушилась волна репрессий, арестов и ссылок, впоследствии названная "**кировским потоком**". Во всех организациях проходили обязательные собрания и заседания, посвящённые поиску затаившихся врагов. Всех, кто когда-либо проштрафился перед Советской властью, либо арестовывали, чтобы потом приписать их к какому-то важному делу, либо без особых разбирательств высылали из Ленинграда.

Конечно, эта волна не могла обойти стороной ЛГУ, мат-мех и НИИММ. Поскольку Ольга Алоизиевна была членом партии, то она принимала участие не только в общих собраниях, но и в совещаниях парткома факультета и НИИММ. Не прошло и нескольких недель, как 8 января 1935 года на одном из таких заседаний она заступилась за выгоняемых из партии и университета "оппозиционеров" и "зиновьевцев" **А.Ю. Иткина** и **А.Д. Дрозда**. Сама она, впрочем, утверждала, что заступалась лишь за Иткина, поскольку его увольняли по надуманным обвинениям. Будучи человеком прямым, она сравнила это заседание со сценой из "Горя от ума", где Чацкого объявляют сумасшедшим. Уже через пять дней, 13 января, её поведение было обсуждено на заседании райкома ВКП(б), и она

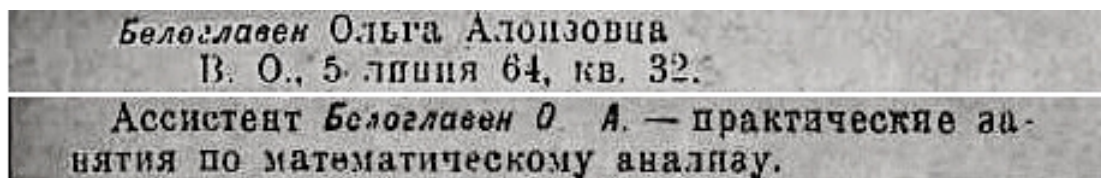
¹² Александр Герасимович Колпаков (1902–1942) — отец знаменитой балерины **Ирины Колпаковой**. Умер от голода в блокадном Ленинграде, см. [4].

была исключена из партии. Ещё через несколько дней, 17 января 1935 года, Ленинградский обком подтвердил исключение.

Само собой, её заступничество ничего не дало, и оба учёных были отправлены в административную ссылку. Про аспиранта НИИММ и ассистента физфака Абрама Юдовича Иткина более нам не известно практически ничего, кроме того, что через несколько недель он уже был где-то под Якутском, пересчитывая ухабы на телеге, везущей его в ссылку вместе с **Мирой Александровной Файнют**, которая упоминает об этой случайной встрече в кратких **записках** о своей собственной судьбе, включённых в приложение к публикации книги “Крутой маршрут” Евгении Гинзбург в журнале “Даугава” в 1988–1989 годах.

После исключения из партии Белоглавок немедленно отчислили из аспирантуры, но каким-то чудом не уволили с мат-меха. Она осталась работать на кафедре математического анализа, куда её приняли на должность ассистента.

Записи в университетском справочнике 1937 года, перечисляющем всех преподавателей с их адресами и служебными обязанностями.

Через два года в СССР началась так называемая “**ежовщина**”. Всех, кого в свое время не смыло “кировским потоком”, начали либо арестовывать, либо, если их не получалось пристегнуть к какому-то раскрытому заговору, административно высылать в далёкие края. Пришли и за Ольгой Алоизиевной, которой припомнили все её прегрешения за последние десять лет.

Попытки что-либо исправить не помогли, да и вряд ли кто-то из руководителей факультета всерьёз попытался за неё заступиться — слишком уж много было вокруг таких же ситуаций с гораздо более известными людьми. Ленинградская интеллигенция быстро почувствовала, что сравнительно вегетарианские времена первой половины тридцатых остались далеко за бортом.

Глава 4. Казахстан. 1937–1952

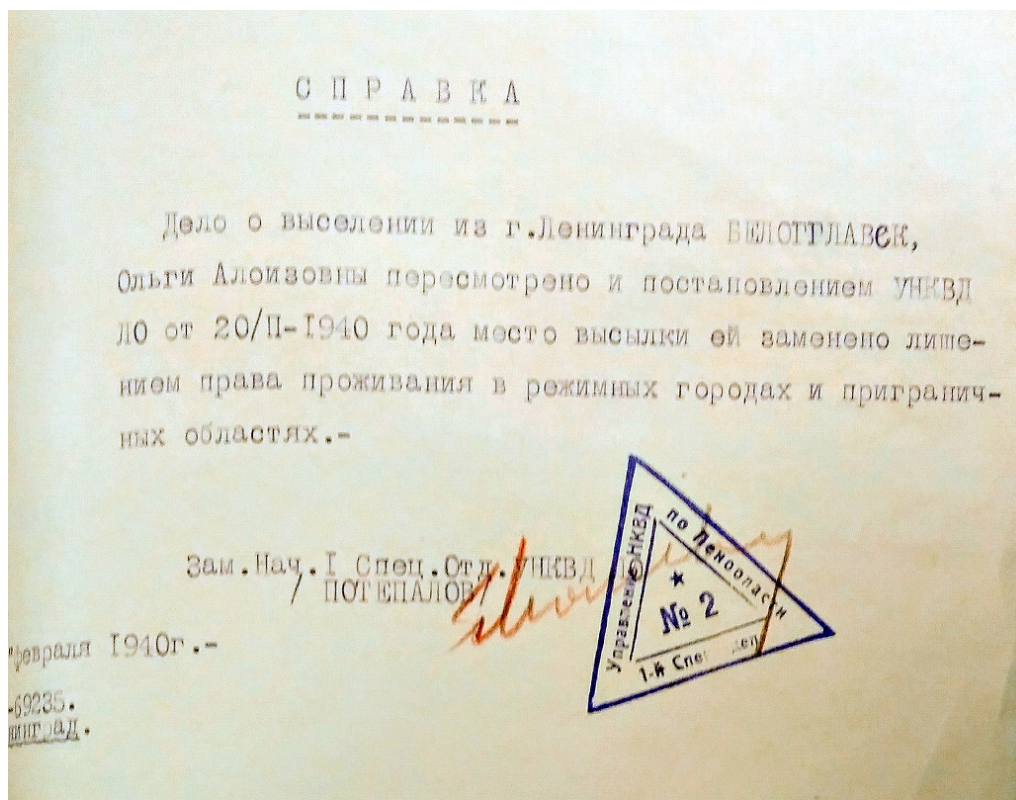
И вот седьмого августа 1937 года началась следующая глава в жизни О.А. Белоглавок. Сначала она была выслана из Ленинграда в город Кокчетав на севере Казахстана, откуда её довольно быстро перевели в село Дмитриевка неподалёку от маленького городка Щучинск той же Карагандинской области. Там не было практически никаких шансов найти работу, приходилось жить практически впроголодь.

Ольга Алоизиевна неоднократно писала в Ленинградский обком ВКП(б) и в КПК¹³ письма с просьбой о пересмотре дела. Ей неизменно отвечали, что “оснований к пересмотру решения нет”.

¹³ Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б), создана в феврале 1934 года.

Её ситуация была совсем нехороша — директор Щучинской школы был бы не против взять её на работу в качестве учительницы математики, но её статус был местной бюрократии непонятен. С одной стороны, она не была арестована или осуждена, не несла на себе клейма “врага народа”. С другой стороны, была выслана из Ленинграда... видимо, за какие-то прегрешения. Проще ничего не делать и не рисковать. В результате около двух лет Ольга Белоглавок кое-как перебивалась с хлеба на квас, давая частные уроки, и всё время ожидая какого-то ответа от многочисленных партийных органов. Почти отчаявшись, она стала писать в НКВД Ленинграда и Ленинградской области, пытаясь получить от них хоть какую-то справку, проясняющую её ситуацию.

Наконец, в 1940 году НКВД прислало ей бумагу о замене высылки на лишение права проживания в режимных городах и приграничных районах. Ни о каком возвращении в Ленинград, равно как и в любой другой крупный центр, увы, не было и речи. Но по крайней мере теперь её взяли на работу. Она переехала в Щучинск, после чего начался следующий этап её биографии — школьная учительница в небольшом провинциальном городке на севере Казахстана.

Справка НКВД по делу О.А. Белоглавок, февраль 1940 г.

Об этих годах её жизни нам известно очень мало — и лишь благодаря двум людям, опубликовавшим впоследствии свои воспоминания о жизни в Щучинске.

Первым из них была **Инна Ароновна Шихеева (Гайстер)**, сосланная в Щучинск в 1949 году. Вот что она пишет в своих **воспоминаниях** о знакомстве с О.А. Белоглавок:

« Математику, как видно, я вела хорошо. И не потому, что я была как-то очень талантлива. Во-первых, сказывалось университетское образование, но главное было в том, что раз в месяц я тайком ездила в Щучинск к учительнице математики Ольге Элоизовне. С ней меня познакомила Мария Ивановна. И математику я вела так, как велела Ольга Элоизовна. А она была совершенно потрясающей учительницей. Не просто хорошая, а удивительная учительница. В 35-м г. после убийства Кирова ее сослали сюда из Ленинграда, где она преподавала в университете. Тогда Сталин тысячи ленинградцев отправил в лагеря и ссылку. В то время ссылкой ещё разрешали взять с собой какие-то вещи, но Ольга Элоизовна привезла только книги и старинное кресло. Меня очень поразило это кресло с загнутыми подлокотниками, приехавшее из Ленинграда. За 14 лет работы в Щучинске Ольга Элоизовна стала известной на весь Казахстан. И она меня учила – я на первых порах без ее советов и шага не делала. Вот она говорила: “Вы делаете контрольную работу, подобрали примеры. Вы должны сесть и сами решить. И засесть время, а потом увеличить его в шесть раз. И только тогда вы можете дать эту работу ребятам”. Господи, думала я тогда, что это я в шесть раз буду увеличивать время – примеры же очень простые. Но делала, как она велела, и довольно регулярно ездила к ней по секрету в Щучинск. Боялась, конечно, я же подписала бумагу о невыезде за пределы места ссылки.

25 лет каторги – это ведь не шутка. И Ольга Элоизовна меня вела, я делала все, как она говорила. “И если, – это она всегда повторяла, – ученики ваше задание не сделали, это не значит, что они глупы. Это значит, что вы сами не поняли того, чему вы их учите!” Она меня учила основам преподавания. Как учитель она была богом отмечена. »

И. А. Гайстер, [3]

Щучинск, примерно 20-е годы XX века.

Второй источник наших сведений о жизни Ольги Алоизиевны в Щучинске гораздо более известен российским читателям — это знаменитые художественные мемуары писателя и литературоведа **Александра Павловича Чудакова** “**Ложится мгла на старые ступени**”, опубликованная в 2000 году и позднее (в 2011 году, уже после смерти писателя) получившая Букеровскую премию как лучшая российская книга первого десятилетия XXI века. Дело в том, что Чудаков родился и вырос в Щучинске, где О.А. Белоглавок была его учительницей математики.

«Автоген учил нас теории и практике перспективы, попутно объяснив, что прямая перспектива — отнюдь не единственный и обязательный способ изображения видимого мира; это, наряду с двенадцатиричной системой исчисления, изложенной математичкой Алуизой, перевернуло сознание.

Алуизой для простоты мы называли Ольгу Алоизиевну Белоглавок. Даже мы чувствовали, что она — не то, что другие педагоги, в том числе и ссыльные. Начинала она с Лифшицем и Ландау¹⁴, высоко ценившими её математический талант; это она придумала школьные математические олимпиады. Но в 34-м попала в кировскую высылочную волну.¹⁵

В Чебачинске¹⁶ все пятнадцать лет жила у одной и той же хозяйки, ходила в одном и том же пальто, утром ела манную кашу на воде, а вечером — кислое молоко с сухарём. Когда в 60-е годы она умерла, на книжке у неё оказалось 75 тысяч, которые она завещала местному детдому. Деньги она охотно одалживала, но если кто не возвращал их в срок, им самим назначенный, больше тому в долг не давала. »

А.П. Чудаков, [6]

Из этого текста можно сделать косвенный вывод, что Ольга Алоизиевна умерла в самом начале 1960-х. Дело в том, что в 1961 году произошла денежная реформа, в результате которой все цены, зарплаты и сбережения оказались поделены на 10. Сумма сбережений в 75 тысяч рублей в постреформенных деньгах была бы совершенно нереальна — она примерно равна всей зарплате советского учителя той эпохи примерно за тридцать-сорок лет.

Впрочем, большое количество фактических ошибок не даёт нам возможности отнести к наполовину художественному тексту А.П. Чудакова как к доказательному аргументу. Увы, дата или хотя бы год смерти О.А. Белоглавок нам на данный момент неизвестны.

После своего переезда в Щучинск на протяжении примерно 12 лет Ольга Алоизиевна работала учителем математики в местной средней школе. В романе [6] Чудаков упоминает о том, что она пыталась продолжать свои математические исследования.

¹⁴ Явная ошибка автора, к знаменитым физикам **Л.Д.Ландау** и **Е.М.Лифшицу** Ольга Алоизиевна, конечно же, никакого отношения не имела.

¹⁵ Как мы знаем, высылка О.А. Белоглавок в Казахстан произошла только в 1937 году, но это вполне естественная ошибка.

¹⁶ Под этим псевдонимом у Чудакова выведен Щучинск.

« Уже после её смерти Антон узнал, что в год окончания войны она, дописав диссертацию, послала её на свою бывшую кафедру в Ленинградский университет. Работа вернулась с фиолетовым штампом на титуле: “Возврат без рассмотрения”. »

А.П. Чудаков, [6]

Глава 5. Лагерь. 1952–1957

Однако и этой, сравнительно спокойной, жизни пришёл конец. В январе 1952 года Ольга Белоглавец была арестована по ложному доносу.

« В сорок девятом её арестовали¹⁷ — Антон с Мятон видели, как её всё в том же пальто через огород вели двое. Донос написал другой математик, Ефим Георгиевич, взявший у неё большую сумму на покупку дома и рассчитывавший таким образом избавиться от неприятного долга. Но ему не повезло. В лагере Алуиза, свободно перемножавшая в уме трёхзначные цифры, оказалась незамеченной при подсчёте кубометров грунта и бухгалтерских расчётах. Начальник лагеря, узнав в отделе перлюстрации, что она уже дважды в письмах напоминала коллеге о долге, прося отдать эти деньги своей бывшей хозяйке, сказал заключённой, что поможет. Математика прямо с урока вызвали в НКВД, где майор Берёза его предупредил, что если долг не будет возвращён в 48 часов, он проследует туда же, где находится его заимодавка. Ефим Георгиевич двое суток мотался по городу, занимая у встречного и поперечного. Всё это Ольга Алоизиевна рассказала Антону, когда через пять лет освободилась. »

А.П. Чудаков, [6]

Немного по-другому про это вспоминает в своей книге Инна Шихеева-Гайстер.

« В начале 53-го года, где-то в первые дни после зимних каникул, прихожу утром в учительскую. Навстречу мне Запорожец с газетой в руках, и тычет мне ею в нос. “Дело врачей”... »

По поселку поползли гнусные слухи, что у евреев нельзя лечиться, евреи отравители и тому подобное. Газеты прославляли доносчицу, провокатора Тимашук. наших врачей, евреев, охватил страх. Нюся была в ужасном состоянии. Среди упоминавшихся в газетах московских врачей была фамилия Тёмкин, а Нюсин брат был женат на его дочери. И как снежный ком стали наворачиваться события одно за другим. Первым к нам в Боровое дошел слух, что в Щучинском арестована Ольга Элоизовна.¹⁸ Почти тут же арестовали мужа врача Анны Савельевны Тумаркиной. »

И. А. Гайстер, [3]

Не вызывает сомнений одно — по **данным** УМГБ Кокчетавской области Ольга Алоизиевна Белоглавец была арестована 19 января 1952 года и в апреле 1952 года осуждена на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Только в 1957 году, после пяти лет лагерей,

¹⁷ Ещё одна хронологическая ошибка; это случилось в январе 1952 года.

¹⁸ Явная ошибка памяти; Белоглавец была арестована в январе 1952 года, то есть на год раньше, не говоря уже о том, что её арест не имел никакого отношения ни к делу врачей, ни к антисемитскому настрою советской бюрократии.

она была реабилитирована и вернулась в уже родной для нее Щучинск, где и продолжила работать в той же средней школе.

«Тогда же [после освобождения] от неё Антон впервые услышал о теории связи важнейших исторических событий с периодами солнечной активности — с автором этой теории, профессором Чижевским, учительница подружилась в карагандинском лагере “Спасское”.¹⁹

... Алуиза, кроме школы, никуда не ходила. Но однажды в июле, когда было плюс сорок, Антон встретил её на Озере. Она сидела на мелководье в чёрном купальнике с юбочкой (такие он видел в альбоме бабки на пляжной фотографии её подруги в Ницце) и тихонько поливала себе плечи из ладони, сложенной ковшиком. »

А.П. Чудаков, [6]

Глава 6. Эпилог. 1957–1961

Ничего более про последние годы её жизни, увы, не известно. Умерла Ольга Алоизиевна, скорее всего, в самом начале 1960-х, так никогда и не вернувшись в Ленинград. Похоронена она в городе Щучинске, ныне районном центре Акмолинской области Казахстана.

Как я уже упомянул выше, точный год смерти О.А. Белоглавок мне не ведом. Также пока что не удалось найти ни одной её фотографии. Возможно, где-то — в петербургских архивах Бестужевских курсов, в глубоких подвалах какого-нибудь министерства внутренних дел или в семейном альбоме одного из её учеников когда-то обнаружится снимок этой замечательной женщины. Я надеюсь, что в один прекрасный день кто-то из наших читателей поможет его найти.

Человек такой необычной судьбы заслуживает, чтобы мы о ней помнили.

Автор выражает глубокую благодарность М.В. Розет, П.С. Лаврову и А.А. Лодкину за их неоценимую помощь в архивных изысканиях.

Д. В. Фомин

---

¹⁹ Достоверность этого комментария про Чижевского неясна. В карагандинских лагерях **А.Л. Чижевский** находился в 1943–1950 гг., то есть не мог сидеть там одновременно с Ольгой Белоглавок. Правда, по окончании срока и вплоть до 1954 года он оставался на поселении под Карагандой, но “вольные” ссыльно-поселенцы вряд ли могли свободно общаться с лагерниками.

Литература

- [1] *Архивное дело № 192536 (О. А. Белоглавец)*. ЦГАИПД, СПб.
- [2] *Архивное дело № 109055 (Б. С. Мазанов)*. ЦГАИПД, СПб.
- [3] Гайстер И. А. *Дети врагов народа*. М.: Ньюдиамед-АО, 1998.
- [4] Одинец В. П. *О ленинградских математиках, погибших в 1941–1944 годах. Часть II*. Сыктывкар: издательство СГУ им. Питирима Сорокина, 2021.
- [5] Фомин Д. В. *Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета Белоглавец О. А.*
- [6] Чудаков А. П. *Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия*. М.: Время, 2012.